

*Памяти юного белорусского партизана,
участника Великой Отечественной войны
Евгения Степановича Карповича*

Была у Жени мечта. Мечта красивая, яркая и крепко вцепившаяся в душу. Женя — это для меня, а так он Евгений Степанович, уважаемый всеми, кто с ним сталкивался, человек, любимец многих компаний и, по-моему, не обделенный вниманием женщин. Даже молодых. В то время, когда судьба свела нас, возраст его подкатывал к пятидесяти годам, что для меня, по молодости, казалось началом старости. Сейчас я, естественно, так не думаю. Так случилось, что мы стали равноправными родственниками, то ли шуряками, то ли свояками, я до сих пор и не научился в этом разбираться, но на родословном древе эти ветки одинакового размера. И тем не менее все равно относился я к нему как к старшему не только по возрасту, но и по объему прожитой жизни. Слово «объем» не принято в оценке жизненного пути, но для Жени трудно подобрать более подходящее слово. Особенно в сравнении с жизнью новой молодежи. Имея возможность уже сейчас наблюдать за поведением современных студентов университета, я вижу в них чаще всего детей, плохо прикрывающих свою незрелость чопорностью и чванством, высокомерием. А за этим, как правило, пустота.

Боюсь удариться в тему «отцы и дети», но не отметить слишком большую разницу в объеме жизненных нагрузок отцов, даже в их молодости, и современной молодежи невозможно. Если для нынешних молодых людей порой трагедией становится ситуация, когда мамка или папка не купили джинсы последней модели, или вскопчил прыщик на носу, то как это можно сравнить с тем ужасом, когда на глазах Жени фашисты повесили отца и расстреляли мать, как и многих жителей деревни. В четырнадцать лет он пускал под откос немецкие эшелоны, в шестнадцать на его груди красовались два боевых ордена и несколько медалей. Немцы за ним охотились, за его голову была обещана награда, и в конце концов поймали. Как оценить размерами жизни то, что половина зубов была выбита в гестапо, а другая половина позже, в НКВД. А он еще и шутил: «В НКВД били профессиональней».

Так вот, когда воевал он в подполье и партизанском отряде, его как-то особенно сильно задело заявление Гитлера о намерении отметить падение Ленинграда в ресторане «Астория», а потом ликвидировать город. Женя еще и не знал толком, что такое ресторан, но представлял его как какой-то сказочно красивый дворец, заполненный множеством счастливых людей, и поклялся отметить там День Победы над проклятым врагом.

Война не окончилась для него девятого мая сорок пятого года. Она продолжалась еще несколько лет в борьбе с той нечестью, которую оставили после себя фашисты, а потом высшая форма благодарности за ратные подвиги, за реальный вклад в дело Победы — многолетнее лагерное заключение с ярлыком врага народа. И там он не погиб, хотя так именно было запланировано, выжил, но мечта отметить хоть какой-нибудь праздник в «Астории» оставалась, хотя и отодвигалась на неопределенный срок. Позже были амнистии, трудовые подвиги, выполняемые по полученной в партизанах специальности — подрывник. Но теперь он рвал золотоносную руду «на Северах», то есть там, где провел самые зрелые годы своей жизни за «колючкой». К Северу привык, прикипел. Многие освобожденные друзья оседали здесь же, и после амнистии он также влился в это «братство», нашел достойное своей профессии дело и даже заработал новые государственные, или, как тогда говорили, «правительственные» награды. О наградах я так, к слову, чтобы подчеркнуть, что трудно сломать настоящего человека.

И вот однажды вечером, за несколько дней до ноябрьских праздников, раздается звонок в дверь и входит неожиданно откуда-то свалившийся Женя. Евгений Степанович! После «охов» и «ахов» выяснилось, что Женя получил очередной северный отпуск с путевкой на наш дальневосточный курорт Шмаковку, отдохнул там, как выяснилось, неплохо, но планировал после Шмаковки вылететь в Ленинград и там, в ресторане «Астория», отметить свое пятидесятилетие. Готовился к этому основательно, но Шмаковка вытянула из него не только болезни, но и накопленные на торжество деньги. Отпуск еще не кончился, раньше времени возвращаться на Север не хотелось, и он решил погостить у нас и здесь скромненько отметить день рождения. А родился он как раз седьмого ноября.

Я как-то близко к сердцу принял душевную неустроенность Степаныча, его внутренний дискомфорт оттого, что он так и не может осуществить свою мечту, неловкость оттого, что он пытался с нашей помощью решить свои проблемы. Но что мы могли предложить ему? Друзей, близких по духу, рядом нет. Ну, устроим по рабоче-крестьянски сытный и по-интеллигентному красиво оформленный ужин, а потом уткнемся в телевизор. И что останется в памяти от такой замечательной даты, как пятьдесят лет? Пока принимали гостя, пока слушали его рассказы о курорте и намерении отметить день рождения, я присматривался к нему как врач, оценивал общее состояние здоровья. Так, мужик еще достаточно крепкий, руки сильные, есть легкая одышка, но это от заработанного в шахтах силикоза и неоднократно отбиваемых легких сапогами германского и советского производства. Рассуждаю про себя дальше: если не нагружать рюкзаками, то может пройти несколько километров по натопанной таежной тропе до охотничьего барачка. Наша тайга должна ему напомнить партизанские леса, барачок-землянку, а ужин, приготовленный на костре... тоже будет к месту. Обычно на ноябрьские праздники мы выезжаем открывать зимний охотничий сезон, превращая трех-, четырехдневную поездку действительно в праздник. Праздник охотничьей удали. Есть и работа в эти дни. Избушке требуется, как правило, какой-никакой ремонт, нужно заготовить впрок дрова, проверить старые маршруты, обновить ловушки, определить переходы пушного зверя, поставить капканы. Ну а при случае подстрелить несколько рябчиков на еду или на приманку, прихватить зазевавшуюся белку, а если повезет, то и дичь покрупнее. Ребята, которые обычно открывали со мной сезон, выполняли в первый день все хозяйственные дела, а потом несколько дней карабкались по окружающим избушку высоченным сопкам в поисках обычной для этих мест дичи — изюбрей, кабанов. Большая часть деревьев у подножья и до середины сопки — ели и пихты, обильно заросшие мхом и лишайниками. Тайга под ними мрачная, но зато в пургу здесь обычно тихо и малоснежно и зверь любит в таких местах отдыхать. На лишайники собирается еще и кабарга, но мы

как-то игнорировали этот вид охоты. За промысловую дичь ее не считали, хотя добыть ее было не так просто.

То, что мы принадлежим к великому клану охотников, наполняло нашу душу особым трепетом. В нем и радость, и гордость, и тревога, и ожидание чего-то необычного, и... Шельмуют сейчас и охоту, и даже записки охотников. Видите ли, неэтично и неэстетично, но охота была и будет! Это древнее занятие человека, которое помогало ему жить и выживать. И бывает на ней как и на войне. Описывают же кровавые сцены различных баталий с их ужасными последствиями и обязательной фразой — «кровь лилась рекой» или «ручьём». Это уже от масштабов сражения и от желания авторов добиться достоверности в описании бойни, желания предупредить людей — кровь людская не водица... А как доходит дело до охотничьих сцен, с их порой неизбежной жестокостью, забывают, что это тоже маленькая, но почти война, где ценой может быть жизнь человека или животного. Я не имею в виду современные извращенные виды охоты, когда десятков, а то и больше разжиревших и застоявшихся от сытой жизни идиотов, вооруженных самым современным автоматическим оружием, расстреливают из лакированных внедорожников или борта вертолета загнанного и беззащитного перед таким натиском зверя. Некоторые из подготовленных на тему охоты рассказы я пытался опубликовать «не оптом, а в розницу» в различных изданиях. Отказы звучали сурово и принципиально — мы не можем показывать читателю убийство животных. И это было бы действительно принципиально и правильно, если бы все, или почти все, средства массовой информации не захлебывались от кровавой жестокости сегодняшних человеческих взаимоотношений.

Формирование зоопарково-циркового представления о животном мире с хомячковым сюсюканьем тоже к добру не приведет. С таким представлением в тайге делать нечего. Даже на прогулку ходить опасно. Кстати, пушистый хомячок с удовольствием поедает собственных новорожденных детенышей. Внешне милые безобидные зайчики иногда распарывают когтями задних лап брюхо догнавшим их собакам или лисицам. Изумительно красивый и, казалось бы, нежный соболек легко задирает кабаргу, а иногда и косулю. Я до сих пор вздрагиваю от воспоминания о том, как пойманный за коготки соболь вцепился в мою руку, пытавшуюся освободить его из капкана. Целился он при этом в лицо. После мы подружились, и он с удовольствием ел мясо из этой же руки, но шрамы на ней остались навсегда. А охота на милого, в вольере, кабанчика или медведя? Да еще в одиночку?

Представьте себе, что пережили немногие, но зато настоящие охотники. Ты не в засаде на какой-нибудь вышке, а стоишь, запутавшись в чащобнике, и сверху по склону несется на тебя живая торпеда, легко прошивая железобетонным рылом кустарник и подлесок, держа в боевом положении два острейших кинжала. Секач! Тут уже не до умильного похрюкивания. На тебя несется живое воплощение смерти.

И вот оно в пятидесяти шагах, но, как всегда, что-то мешает стрелять: или ветка заслонила цель, или снег примерз на прицеле, или ремень ружья зацепился за застежку рюкзака, или... Этих «или» великое множество и, как всегда, не вовремя. А он уже в тридцати шагах, и в твоём распоряжении полторы-две секунды. И можешь быть уверен, торпеда не свернет и никто и ничто ее не остановит. Ни собаки, ни крики. И бегом не спасешься. А тут у тебя уже одна и, возможно, последняя секунда. Что чувствуете? Побежали мурашки по спине, засосало под ложечкой, участились дыхание, пульс? Оторвись от кресла! Это же ты стоишь на косогоре на скользком гранулированном снегу!

Нет твердой опоры, движения плеч и рук сковывает тяжелая от пота телогрейка, злой ветер вышибает из глаз слезу... Представили? А осталась уже доля секунды. Выстрел, который ты даже не слышишь, только чувствуешь резкий толчок в плечо, и кабан юзом, оставляя позади глубокую борозду, подкатывает к твоим ногам. В за-

пасе второй выстрел, но ты внимательно следишь, как на звере в различных местах подергиваются мышцы, шевелится щетина. Еще минуту-другую держишь ружье наготове — вдруг вскочит. Такое бывает. Но вот прижатые в яростном беге уши расслабились, обмякли. Только сейчас делаешь первый глубокий вдох-выдох. Оказывается, ты все это время не дышал и только сейчас осознал, что охота окончилась. И на все про все ушло несколько секунд, может, минут. Но как много они сто́ят!

Так что это было? Убийство, риск, экстрим, азарт? Нет, это ОХОТА! Но та охота, которой не надо стыдиться. Хотя бы в память о тех, кто не использовал последнюю секунду. Тысячелетиями охота была суровым опасным ремеслом, но без него человечество бы не выжило, не развивалось. И тех, кто прошел испытание такой охотой, не надо учить защищать Родину, искать и отстаивать правду, блюсти правила человеческой морали. Эти качества должны без всякого нажима постепенно входить в кровь, подсознание, разум и формировать человека.

Ко мне иногда «подкатывались» молодые, ретивые представители внутренних и иных органов с просьбой.

— Вы тут всех охотников знаете, охотились со многими, а мы знаем, что у некоторых из них серьезное (то есть нарезное) оружие. Вы бы помогли нам навести в этом деле порядок.

Порядок — это статья Уголовного кодекса, исковерканные жизни у нормальных людей, испуганные глаза и слезы жен и детей, и т. д. и т. п. И ради чего? Держава в опасности? Навряд ли! Личные амбиции и карьера? Это да!

Ходоки по этой проблеме менялись, но ответ всегда был один. С небольшими вариациями, но с искренней верой в то, что я говорил.

— Ребята, когда держава действительно будет в опасности, вас никого не найдешь. А пока держава раскачается, вот эти мужики перекроют на перевале дорогу и, поверьте, не пропустят ни одного гада в поселок, к своим домам, семьям и жителям.

Женя мое предложение отметить свой юбилей на охоте принял не то чтобы с восторгом, но и не проявил какого-либо недовольства. Тайгу юга Дальнего Востока он не знал, и для него было интересно познакомиться с ней поближе. Да и все какое-то разнообразие. В общем, шестого числа выезжаем. В машине пятеро, не считая шофера Саши. Но и он заряжен в нашу программу. Учитывая, что в первый выезд необходимо доставить много хозяйственного груза, то и Саша должен был дойти до барачка, доставить то, что предназначалось пятому члену команды. Но сегодня пятым был Женя, а его по предварительному сговору решили освободить от столь «почетной» миссии. Потая, охая и кряхтя от тяжелых рюкзаков и летнего застоя, часа за два прошли путь от оставленной в тайге машины до избушки. К счастью, она хорошо сохранилась и ремонт почти не потребовался. Открытая на лето дверь и выставленные стекла в окошечках обеспечили хорошую продуваемость, и поэтому не было даже запаха сырости и плесени. Печка и труба оказались в рабочем состоянии. Не пострадала и рубероидная крыша, хотя мы по привычке принесли с собой аварийные рулоны.

Тут же затопили печку, развесили для окончательной просушки матрасики. Саша быстро свалил с помощью принесенной бензопилы несколько лиственниц и берез. Елку на дрова мы не трогали. Много треску от нее, а тепла не очень. Кстати, беда всех охотничьих избушек в том, что построенные в самых глухих местах, они постепенно оказываются на голом, продуваемом и просматриваемом месте. Все от того, что ежегодные заготовки дров «от порога» неизбежно приводят к этому. У нас же строжайше было запрещено валить деревья ближе, чем за пятьдесят — сто метров от жилища. Валка больше походила на прореживание. А перетаскать готовые чурки до избушки таким колхозом несложно. Зато как красиво смотрелся барачок между вековых деревьев! В пяти шагах звенел летом и зимой тоненький ключик. Зимой я сваливал в него принесенную картошку, и та хранилась в ключе до весны. Для питья вода бралась на метр выше по течению. Непосвященному можно было пройти рядом с барачком,

не заметив его. Особенно зимой, когда длинные еловые лапы с огромными шапками снега изгибались и почти закрывали строение. Иногда днем приходилось зажигать керосиновую лампу, чтобы обеспечить достаточное освещение внутри. Принесли, кстати, и годовой запас керосина, аварийный и дежурный запас продуктов. Продукты складывались в металлический ящик, задвинутый под нары. Это от мышей. В двух-трех местах под корнями могучих елей прятались в толстом слое подножного мха бутылки со спиртным. Выпивали мы мало и редко, но запас лучше иметь, чем не иметь. Я иногда жил здесь, используя остатки отпуска или отгулов, по неделе, один, и так приятно, вернувшись вечером с обхода участка, выпить граммилку, несколько минут посидеть, расслабиться и, дождавшись момента, когда напиток побежал теплом от живота по всем жилкам, начать заниматься хозяйственными делами.

На сей раз мы как-то быстро управились со всеми заботами, благо их было немного, стаскали напиленные дрова к барачку и соорудили над ними навес от снега, приготовили «сухой» завтрак и крепкий чай, перекусили и занялись более серьезными делами. Саша с бензопилой отправился назад к машине, он должен вернуться за нами через несколько дней. Петрович с Иваном Тихоновичем и Васей должны влезть на сопку и там по хребтам посмотреть зверя. Если Петровича и Ивана многие знают уже по иным моим рассказам, то Вася на горизонте появился впервые. Небольшой щуплый мужичок преданно любил тайгу и охоту, был достаточно вынослив, хороший ходок, но возраст постепенно брал свое, а в этом году ему исполнилось шестьдесят. Принимать участие в больших охотах он стал все реже и реже, но не открыт сезон не мог. Мы всегда брали его с собой с удовольствием, как-то опекали и не зря его звали в своей компании просто Васей. А мы с Женей отправились восстанавливать один из ближайших путиков. Восстанавливать, собственно, должен я, а родственник просто побыть рядом, прогуляться, ближе познакомиться с тайгой и охотничьим промыслом. С трудом выслеживая едва заметную тропку, изрядно заросшую за лето, заваленную местами валежником и сучьями, я медленно продвигался от одной старой ловушки к другой, проверял отчепы, ставил капканы, делал над ними навесики из свежего лапника. Работа незатейливая, но по-своему интересная. Следов пушного зверя по выпавшему недавно снегу почти не было, поэтому ставить новые капканы на переходах не пришлось. В распадке вспорхнул выводок рябчиков, и я успел снять двух, чем привел Женю в восторг. Путик стал постепенно уходить в сопку, и тут я заметил, что идти в гору Жене становится все трудней и трудней. Уж очень заметно проявлялась одышка.

— Стоп, Евгений! Понял, что и как, и хватит на сегодня. Сейчас пойдешь обратным следом под гору, дойдешь до основной тропы и по ней, не торопясь, пойдешь к избушке. Отдохни, попей чайку, можешь дремануть часок и приступай к приготовлению праздничного ужина. Продукты все видел. Что придумаешь, то и будем есть. Рябчиков не забудь почистить и заварить. Это будет мой подарок для тебя.

Женя не стал противиться. Видно, правильно оценил обстановку, стоящую впереди заснеженную сопку, и, не торопясь, потопал назад. Оружия у него не было, но я не беспокоился за его безопасность. Хищных зверей здесь почти не бывает, а сегодня мы достаточно наследили, надымили и подпортили воздух бензопилой. Эти запахи долго держатся в глубоком распадке и на время отпугивают все живое.

Часа через три, описав приличную дугу, я тоже вышел на основную тропу и вскоре подошел к барачку. Начинало смеркаться, в барачке горела лампа, вкусно даже снаружи пахло каким-то варевом и доносилась транзисторная музыка. Понятно, Женя один, отдыхает, моего прихода не уловил. Прежде чем зайти внутрь, я отошел на десяток шагов, так, чтобы не было слышно бодрых революционных песен, и прислушался. Во, так и есть! Сверху доносилось легкое потрескивание, слышались обрывки разговора. Это спускаются наши. Обождал. Вот и они чуть не кубарем пролетели последнюю сотню метров и стоят передо мной с уставшими, но счастливыми лицами.

— Быка взяли. Матерого. Выносить не стали. Это далеко отсюда, и боялись, что не придет до глухой ночи. Но на кондер принесли все необходимое.

На снег вывалились потроха, грудинка, несколько ребрышек, еще что-то. Немного, но килограммов десять-пятнадцать наберется, и все такое, что имеет особую ценность и вкус при приготовлении в свежем виде. Сколько ни пробовал мороженую грудинку — никакого сравнения с парной. Так что праздничный ужин гарантирован. Всех предупреждаю: Жене ни слова о добыче. Дружно вваливаемся в избушку, в которой стало тесно. Пока мужики не развесили свои отсыревшие от пота и снега куртки и не расселись на нары, что-либо делать было невозможно.

Женя доложил с гордостью:

— Похлебка готова, сейчас я вас накормлю...

Я мигом снял крышку с ведерной кастрюли, а другой и не было, помешал поварешкой содержимое, определил, что это макароны, картошка и консервы, а также две тушки рябчиков. Запах был аппетитный, но эта еда не для сегодняшнего дня. Да и надо придать особое значение сегодняшнему вечеру.

Демонстративно зачерпываю немного варева, дую, чтобы остыло, и под устремленные на меня взгляды пробую.

— Женя! — вскрикиваю. — Что ты сварил, это же несъедобно, есть невозможно, тем более сегодня! Не тот день! На всякий случай оставим на завтра. Или послезавтра.

Женя растерянно смотрит на меня. Ребята молчат, хотя видно, что они голодные, но ради кондера, приготовленного мной, они готовы потерпеть до утра.

Поймав волну всеобщего ожидания моих дальнейших действий, я молча надеваю рукавицы, беру за ушки кастрюлю с продолжающим кипеть варевом, открываю ногой дверь, выхожу наружу и так же молча выливаю все в старенькое ведро. Загребаю немного воды из ключа, возвращаюсь и молча ставлю кастрюлю на печь. Кастрюля огромная, и заменить ее нечем. А сейчас нужна именно такая, ведерная.

— Пусть вода согреться, кастрюлю помыть надо.

Женю надо было видеть. Во-первых, он с детства знал цену каждой крошке хлеба, во-вторых, он так старался. Он оглянулся на мужиков, ища какой-то поддержки, но они молча и безмятежно смотрели мимо него, боясь встретиться с ним взглядами. Женя не знал, что ему делать. То ли возмутиться и закатить скандал, то ли ждать — а что будет дальше. Пока он растерянно моргал своими большими голубыми глазами, я как бы беспричинно вышел наружу и быстро порубил на мелкие куски грудинку, кости, порезал на чурке сердце, легкие, почки, немного печенки, положил в общую кучку целиком язык. Вернулся внутрь, взял кастрюлю с теплой водой, вышел, прополоскал посудницу, вылил напитающуюся консервным жиром воду, обтер изнутри пучком мягких пихтовых лапок и вывалил в нее приготовленное мясо. Осталось заполнить кастрюлю водой, которой оказалось меньше, чем мяса, и все это торжественно, на вытянутых руках было внесено в барачок. За какую-то минуту вода в кастрюле порозовела, что подчеркивало, что мясо парное. Друзья дружно встали и громко трижды прокричали «Ура». После этого кастрюля была водружена на раскаленную печь и торжественно закрыта крышкой. От увиденного Женя остолбенел еще больше. Постепенно до него дошло, что все мы просто хотели сделать ужин действительно праздничным, что мы не зря лазили по сопкам и что это наш подарок имениннику. Наконец он расслабился и с виноватой улыбкой тоже сел на нары. Ребята дружно подвинулись, освобождая место поближе к печке и тем самым показывая особое к нему уважение. Поплыли улыбки, разговоры и запахи быстро закипевшего мяса.

До мужиков тоже дошло, что мы немного переборщили, так решительно отвергнув Женино варево, и старались загладить вину, втянув Евгения в разговор о сегодняшней охоте, охотничьем успехе. Оцепенение Жени растворилось окончательно в общем радостно-шутиливом настроении. Добытки в деталях описали поведение зверя, но еще подробней поведение друг друга. Сейчас все соглашались, хоть и нехотя, что

действительно в момент преследования, стрельбы, раздели и выноса они много делали смешного, сами этого не замечая. Сейчас это стало поводом для шуток и смеха. О, как мне нравились и нравятся эти вечерние «разборы полетов», то есть охоты. В спаянной команде это всегда делается весело, с юморными подковырками, без обид на товарищей. В разношерстном временном сборище добытчиков чаще слышатся злые упреки, поучения, обиды. Иногда дело доходит до скандала, если не больше. Злых, ши-и-и-бко умных и злопамятных людей в нашей команде не было. И не могло быть. Команда складывалась много лет, пока не стала такой, какой была в этот вечер. И Женя почувствовал, что он среди своих, хотя видел всех первый раз. Верней, первый день.

Рассуждения рассуждениями, но я не забывал о кипящем котле. Через полчаса добавил в него несколько пригоршней гречки, приготовил штук пять крупных луковиц и горсть сушеных ароматных трав. Минут через десять и это плюхнулось под крышку.

— Все, мужики, готовим стол.

Стол у нас импровизированный, но удобный. Это несколько оструганных, сбитых досок, которые укладывались концами на пристенные нары, а ночью заполняли пространство между ними, служа койкой для одного человека. И вот стол накрыт. Из припасов на столе только бочковые огурчики, квашеная капуста и черный хлеб. В центре бутылка армянского коньяка «Юбилейный». Бутылка привезена другом из самой Армении, и ее название соответствовало случаю. Остальные бутылки попроще ждали своей очереди под нарами, в холодке.

Разливаю кондер по мискам. У каждого своя, походная. Аромат такой, что можно только запахами закусывать. У каждого полная посудина мяса, преимущественно потроха, едва прикрытого жирным темным бульоном. Все, что с костями, старался оставить в кастрюле для дальнейшего проваривания. Рядом с бутылкой тарелка с рябчиками и нарезанным пластиком языка. Разливаю поровну коньяк. Это должен делать удачливый стрелок, но сегодня особый случай. Подниматься в такой тесноте неудобно, и поэтому, сидя, произношу первый тост.

— Женя! Евгений Степанович! Через несколько часов наступит минута твоего рождения, но мы не будем ждать ее. Я знаю о твоей мечте отметить юбилей в «Астории», но это не «Астория». Где еще в мире так сервируют стол для тебя? Нигде! Где для тебя завалят быка да еще приготовят две тушки рябчиков? Нигде! Так что это лучше «Астории». Где тебя окружают такие душевные люди? Думаю, что таких мест сейчас тоже немного. Прими от нас этот подарок, прими таежный филиал «Астории». С днем рождения! Здоровья, счастья, процветания!

Громко прозвенели удары пяти граненых стаканов, завезенных ранее и используемых только в торжественных случаях. Коньяк сверкал таинственным золотом, вбирая в себя отблески двух керосиновых ламп. Все дружно выпили, молча посидели с минуту, наслаждаясь ароматом настоящего коньяка, потом каждый зачерпнул по ложке густого бульона и с удовольствием проглотил его. Я отметил, что каждый член команды оставил на дне немного драгоценного напитка. Значит, не забыли! Встал, слил остатки коньяка в свой стакан, открыл дверцу печки, бросил в огонь кусок изюбриного сердца и выплеснул туда же коньяк. Взметнулось синеватым огнем пламя, а секунду выскочило из печки и тут же с гудением вернулось назад.

— Подя взял!

И только после этого все дружно принялись уплетать кондер. Женя до этого момента тоже не ел, сидел в замешательстве, чувствуя, что есть какой-то ритуал. Ему тут же объяснили, кто такой Подя, и он тоже подключился к пиршеству.

Так кто же такой Подя?

Уверен, что большинство читателей мало представляют, кто этот Подя. Здесь необходимо пояснение. Если попытаться ответить на этот вопрос в стиле энциклопедического словаря, то Подя — это почитаемое дальневосточными аборигенами

мифическое (сказочное) божество или дух (душа) таежной местности. Если отойти от словаря, то этих объяснений получится множество. Все зависит от того, кто пытается объяснить. Проще всего будет звучать объяснение «упертого» материалиста — «чушь собачья!» Почему «собачья» — не знаю, но — чушь. Материалист помягче, а к этой категории относится большинство сегодняшних таежников, скажет: «Есть он, нет его, но что-то такое-эдакое есть. Поэтому на всякий случай его надо уважать». И уважают, соблюдая полузабытые обычаи предков нынешних аборигенов. Согласно преданиям этих людей, Подя очень любил подношения. Кому они уходили: то ли хитрому шаману, то ли зверюшки растаскивали их, то ли пожирало пламя костра — не важно, но была уверенность: раз все исчезло, значит, Подя взял, он увидел и услышал, он будет милостив. Ну а истинный верующий любой из ведущих религий мира объявит веру в Подю бесовской, а особо ретивый и «добрый» христианин еще и пожалеет, что прошли времена инквизиции. Мне приходилось слышать и такое суждение. Как правило, подобное звучало на асфальте или в кирпично-железобетонных джунглях. В лесу, да еще после многодневного пребывания в таежных условиях подобные фанаты становятся мягче. Уже через несколько дней они прислушиваются и принимают к таинственным вздохам и ароматам тайги и начинают жить ожиданием чего-то необычного. Великолепно зарождение нового восприятия окружающего мира у истова верующих казаков подмечено В. К. Арсеньевым во время экспедиций по Приморью. Казаки, да и сам Арсеньев, вначале скептически, а то и высокомерно относились к «причудам» своего проводника Дерсу Узала, принимающего окружающий мир как единое живое существо. Постепенно и они убеждаются, что «в этом что-то есть». Наблюдательная и тонкая натура Арсеньева позволила почувствовать это «что-то» и заставила его еще больше уважать своего проводника. Новое вероисповедание за этим Владимир Клавдиевич, конечно, не увидел, хотя...

А ведь местами, в некоторых странах, одухотворение окружающей среды приобрело в различных вариантах и формах официальный статус. Построенное на этом понимание взаимоотношения природы и человека является основой, например, синтоизма — национальной религии Японии.

Не буду никого убеждать принять веру в Подю, ибо празднично-юбилейный ужин в филиале «Астория» продолжается. Сегодня Подя сделал подарок юбиляру.

Слышен был всеобщий «треск за ушами». Еле удалось остановить братву, чтобы налить «по второй». Напиток был попроще, но нам уже все равно. Какого бы качества ни подавались сегодня коньяк и водка, варево исправляло любой вкус. Тост за тостом, под водку пошли огурцы и капуста. К этому времени упрела грудинка и тоже стала одним из таежных лакомств. Мягкие губчатые кости напитаны сладким костным мозгом, и трудно представить что-либо вкуснее. После «третьей» или «четвертой» вновь возобновились разговоры. О чем только ни говорилось, но все было пронизано весельем, легким ухарством и любовью к... тайге и природе. У каждого из нас была целая коллекция интересных охотничьих баек, Жене тем более тоже было что рассказать. Он оказался отличным рассказчиком. Спиртное сняло с него невидимые тормоза, и он превратился в открытую книгу. Ужин подходил к полуночи, и тут Женья нас «срезал». Он начал читать стихи. Стихи собственного сочинения. Этого мы не ожидали, даже не подозревали о таком таланте. Стихи оказались великолепны. В них слышался и грохот боев, и страдания лагерной жизни, и тоска по Родине, и обида за украденную молодость, и сарказм в адрес вождей и их сатрапов, и любовь. Стихи лились плавно, без надрыва, завораживали нас, и когда Женья замолчал, в нашей избушке еще долго висела тишина.

Уснули уже под утро. Проснулись почти в полдень, когда полностью прогорели заложенные в печь перед сном сырые березовые чурки и стало весьма прохладно. Встали бодрые, без ожидаемой головной боли. Вскипятили на костре ведро чая. На костре — это чтобы быстрее. Пить уж очень хотелось. Таежный чай с лимонником

и рублеными ветками элеутерококка окончательно привел нас в рабочее состояние. Поздравили друг друга с праздником и разбежались по тайге. Мы с Женей топтали на следующий путик, а мужики отправились выносить добычу. К вечеру так все вымотались, что после короткого ужина попадали на нары и своим храпом чуть не снесли крышу. А на другой день уже надо было возвращаться. Петрович с Иваном пораньше выскочили еще раз за остатками добычи, а мы приготовили все необходимое для выноса из тайги, порубили и соштабелевали напиленные Сашей чурки, проконопатили мхом обнаруженные за две ночи щели, к возвращению носильщиков разогрели приготовленный Женей в первый день ужин. Варевое оказалось весьма вкусным. Всем было немного грустно. Мы знали, что такого праздника больше не будет. Ни у нас, ни у Жени.

На память о тех днях стену моей квартиры уже многие годы украшают красивые, достойные медалей международных выставок рога. Знакомые и родственники часто вспоминают, как Женя при любом удобном случае с восторгом рассказывал о посещении таежного филиала ленинградского ресторана «Астория». Из участников того праздничного пиршества остался один я. После таких слов можно себя сглазить. Может, сплунуть? Поможет ли? Но если доведется побывать в Ленинграде, теперь в Санкт-Петербурге, обязательно побываю в ресторане «Астория».

ЭПИЛОГ

Наконец, как говорится, карты сложились. В Ленинграде, то есть в Санкт-Петербурге, была намечена крупная научная конференция, куда можно попасть или по заявке, или по приглашению организаторов. Собирались, как правило, ученые западных и центральных районов России, но на сей раз я получил персональное приглашение. Очевидно, из соображений географических. Редко дальневосточники могут попасть на подобный форум. Слишком дороги стали командировки на запад, и подобными поездками нас не баловали. Но это же Ленинград! Город, в котором я не был более тридцати лет и где я должен был выполнить данное Жене посмертное обещание. Перед мной живо восстановилась вся картина открытия филиала «Астории», лица участников юбилея, атмосфера тех дней.

Подготовить достойный доклад на конференцию особого труда не составляло, и вот я в Ленинграде. Заранее спланировал один свободный от науки день, и, пригласив друга, бывшего дальневосточника, а теперь петербуржца, мы отправились на поиски настоящей «Астории». Одному как-то неуютно было. Земляку истинную причину посещения именно «Астории» не объяснял. Было обоюдное желание встретиться, пообщаться. Несколько дней, насыщенных заседаниями, не давали возможности полюбоваться городом, и вот теперь мы, не торопясь, прошли ножками центральную часть его, вышли на набережную Невы и, отчасти насытившись созерцанием исторических красот Ленинграда, остановились на Дворцовой площади. И где-то здесь «Астория». Открылась она перед нами неожиданно. Действительно — центр великого города. А можно сказать, и всей России. Обычно для такой аллегии используется Эрмитаж, Адмиралтейство, Исаакиевский собор. А заполняет пространство между ними «Астория». Так мне показалось.

Встречающего оркестра не было. Два величавых, но внимательно-вежливых швейцара помогли нам сориентироваться. Оказалось, здесь два зала, в одном из которых было какое-то напыщенное мероприятие для иностранцев, а другой, куда нас тактично направили, был красив, но совершенно пуст. Очевидно, не время массового посещения. Мгновенно подлетел официант и, поняв, что мы намерены посидеть, тут же выставил нам по гостевой рюмке водки и к ней по мизерному «закусончику» на огромном блюде. Как оказалось, зал имел имя — Давыдовский, и с тех давних

времен сохранился обычай так встречать посетителей. Обсудив меню, мы сделали заказ на хороший обед, графинчик водки, три граненых стакана и черный хлеб. Мой товарищ опешил от этой части заказа, но еще больше был озадачен официант. Он быстро явился с графинчиком, но, извинившись за отсутствие стаканов, поставил три стопки и тарелочку хлеба. Для чего я так подробно описываю детали нашего обеда? Да только, может, потому, что перед моими глазами стоял Женя и как бы подсказывал, а что бы он заказал в ресторане своей юношеской, а затем и взрослой мечты? Третья стопка была предназначена ему. По представлениям о Поде духи (или души) умерших принимают участие во многих действиях живых, а уж стопку — это святое дело. Я наполнил рюмки и, прикрыв одну ломтиком черного хлеба, рассказал другу цель нашего, моего, визита именно в этот ресторан. Выпили, естественно, не чокаясь, за Женю, потом за всех, кто ковал Победу над фашизмом, за ленинградцев. Мы не пьянели. То ли стопки были маленькие, то ли кухня прекрасная, то ли настрой особый.

Перед заключительным кофе я попросил официанта пригласить кого-либо из старших. Да хоть директора или хозяина, если такой есть. Хотя мы были уверены, что у такого исторического объекта хозяином может быть только государство. Вскоре появилась высокая стройная девушка со стандартным выражением для начальственной должности лица, ожидающая какие-либо претензии от непонятных посетителей и готовая дать обещание, что все будет устранено и исправлено. От предложения присесть она отказалась, не положено, но представилась: «Анна, менеджер» (или даже старший менеджер — не помню). Не могу сидя разговаривать со стоящей передо мной женщиной, пришлось встать, представиться, представить друга и затем коротко рассказать о цели нашего визита и расспросить Анну о том, что она знает об истории с намерением Гитлера отпраздновать здесь падение Ленинграда. Анна слушала внимательно, маска официоза незаметно ушла с ее красивого лица, и она, нарушив ресторанный этикет, присела к столу. Как выяснилось в обоюдно заинтересованном разговоре, она была весьма удивлена моими расспросами. Оказывается, никто из русских подобные вопросы не задавал, но посетители иностранцы, особенно пожилые, нередко интересовались несостоявшимся триумфом Гитлера.

Я поведал о нашем филиале «Астории» и показал ей одноименный рассказ в изданном сборнике моих документальных рассказов. И конечно же, подарил ей книгу с автографом, получив в ответ «массу сердечной благодарности». Видя ее интерес и учитывая, что она имеет определенный административный вес, я пошел дальше.

— А что если суть рассказа перенести на две-три страницы, оформить соответствующим образом и предлагать посетителям как исторический материал и даже своеобразный бренд «Астории»?

— Вы знаете, это очень интересное предложение... Я доложу об этом владельцу ресторана.

— Докладывайте. Потом сообщите мне, и я подготовлю все необходимое.

— Да, но здесь могут быть определенные сложности...

— Да какие сложности? Все выполнимо!

— Я вам не сказала, что владельцем ресторана является гражданин Германии. А как он посмотрит на это? Загадывать не могу...

Приехали!

Как хорошо, что Женя этого не слышал. А если бы услышал?..

ЧЕРЕМША

У нашей таежной команды была одна священная традиция. Были и другие, но эта особенная. Вроде и не охота, но в то же время великолепный праздник общения друзей с тайгой и беспроигрышным полезным результатом. Раз в год, в день празд-

нования Дня Победы, Девятого мая, мы выезжали на заветную таежную речку для сбора черемши. Росла она и недалеко от нашего поселка, но весна, как и черемша, приходила к нам с опозданием на две-три недели. Выезжали рано утром и в любую погоду. Количество участников определялось вместимостью уазика. Дорога уходила строго на юг, но большую часть ее и назвать-то дорогой язык не поворачивался. Это было то, что оставалось от зимней лесовозной трассы. Примерно часа через два — два с половиной мы переваливали водораздел и подъезжали к первому ключику, бегущему через типичную уссурийскую тайгу к той самой речке. Здесь вдоль скатывающейся с журчанием хрустальной воды по берегам торчали пробившиеся сквозь прошлогоднюю листву первые зеленые стрелки черемши. В зависимости от предыдущей погоды иногда это были зелено-фиолетовые карандашики или только-только развернувшиеся изумрудные листики.

Вся команда, как правило, перед выездом не завтракала, и все ждали встречу с первой черемшей — это было как первое свидание. Все имели свои обязанности: пока один из нас готовил костер и ставил ведро с водой для чая, предварительно запустив в него скрученную в клубок лиану лимонника и рубленные ножом веточки элеутерококка, другие быстро набирали по большому пучку молодой черемши. В воздухе летал аромат таежного чая, перемешанный с запахом первой зелени. Далее дружно выставляли на чистую тряпку домашние припасы и одну, только одну бутылку водки. Каждый готовил себе закуску, очистив вареное яйцо, кусочек соленой рыбы и домашнего сала, краюху черного хлеба. Водка поровну разливалась по кружкам — по сто граммов на пять человек.

И вот торжественная минута. В правой руке кружка, в левой пучок черемши, да такой, чтоб еле-еле в рот запихать можно было. Звон сдвинутых кружек, шипенье костра от сливаемых в него нескольких капель водки в подарок Поде и после возлияния дружное заедание ее черемшой. После этого на тушение пожара во рту идет в ход сало или рыба, кому что нравится. Эта часть завтрака неизменно повторяется из года в год. Потом каждый ест, что хочет и сколько хочет, но черемша съедается вся. Завтрак заканчивается парой кружек крепкого приторно-сладкого чая. Неизменный участник таких поездок Петрович вынимал из рюкзака специально приготовленные женой к чаю постряпушки. Все! Первая встреча с черемшой состоялась. Участники «перекуса» рассаживаются в машину в приподнятом настроении. И это не просто радость, идущая от желудка. С окончания зимнего охотничьего сезона это первый коллективный выезд в тайгу. И не на пикник, а на «дело».

Для нас это было как начало нового года, начало делового общения с тайгой. Дальше пойдет сбор березового сока, папоротника, там, глядишь, жимолость поспела, голубица, грибы пошли... и так до первого снега. А там уже и охота. Зверовая. И все это не по какой-то нужде и обязаловке — это была наша жизнь. Жизнь разных по многим параметрам людей, объединенных и сплоченных тайгой. Но выезд на черемшу — это что-то особенное.

Лично у меня к черемше действительно особое отношение. Не в переносном, а в прямом смысле я вскормлен на черемше. Рожденный весной в годы военного лихолетья, я с первых дней узнал вкус черемши, получая ее с молоком матери. Ежедневно мать собирала ее вплоть до дня моего рождения и продолжала это делать через несколько дней после родов. Черемша была подспорьем к пайковому хлебу, а, кроме того, туго набитый ею мешок можно было обменять на килограмм манки. Это для меня. И еще несколько лет после войны наш дом по весне был пропитан запахом черемши. Так что знал я ее до рождения и продолжаю относиться к ней как к священному растению по сегодняшний день. Но вернемся к нашей традиции.

В тот год страна отмечала сорокалетие Победы над фашистской Германией, поэтому в поселке был большой праздник. В этот день открыли мемориал, посвященный не вернувшимся с войны героям Гражданской и Великой Отечественной

войны. Почти каждый житель поселка в той или иной степени причастен к войне. Много было фронтовиков, еще больше вдов, их детей и внуков. Пожилые женщины, будучи еще девочками, сутками работали в те годы на курорте, реорганизованном в тыловой госпиталь. Работали, возвращая в строй раненых воинов Красной армии. И после окончания войны здесь продолжалась борьба за восстановление здоровья пострадавших в Великой войне. Об этом периоде существования курорта, о его людях, об их энтузиазме можно слагать песни, писать книги. И писали. Жаль, что память человеческая коротка. За достоверность написанного поручились бы тысячи солдат и офицеров, многие из которых находились до поступления в госпиталь-курорт между жизнью и смертью или были обречены на инвалидность. А они возвращались в строй на своих ногах.

И только завершив все праздничные дела, мы смогли отправиться в традиционную поездку. Было уже десятое мая. Единственный случай, когда мы запоздали на встречу с ее величеством природой. К одному из членов нашей команды на праздники приехал родственник — командир крупного военного соединения, дислоцирующегося на территории области. Должность генеральская, и он был представлен мне как генерал, хотя еще донашивал полковничьи погоны. Узнав от родни о нашей традиции, он убедительно упросил взять его на «дело». Я не стал возражать, тем более что у него был свой узик и никаких сложностей с размещением членов команды не предвиделось. Более того, наличие второй машины позволило пригласить в поездку всю мою семью, что было принято с восторгом.

Перед выездом мы познакомились с генералом лично. Он оказался довольно молодым человеком с честным, прямым и в то же время уважительным взглядом. Очевидно, поселковый праздник произвел на него сильное впечатление и, подкрепленный рассказами родственников о моей персоне, сделал меня в его глазах весьма значимой фигурой. Рядом с ним была жена, симпатичная женщина, с материнской заботой хлопотавшая вокруг будущего генерала.

Расселись по машинам — и вперед, на черемшу. Дальше все по схеме. Традиционный завтрак при встрече с первой черемшой, затем выезд на таежную речку с огромными плантациями уже зрелой черемши по обоим берегам. Поставив машины в укромном месте, мы переоделись в таежное снаряжение с противоклещевой направленностью. Брюки заправили в сапоги, защитного цвета энцефалитки закрыли доступ ко всем частям тела, на головах платки, завязанные косынки или капюшоны. Кому как нравилось.

Взяв на себя поневоле обязанности старшего — «бугра», засекаю время и объявляю: сбор у машины в час дня. То есть на все про все около двух часов. Отойдя от машины метров двести-триста, мы вступили на первые поляны черемши. Зрелище необыкновенное. Один к одному стебли изумрудного любимого нашего дикого «чеснока», кругом черно-коричневые стволы черемухи с набухшими почками, редкие гогучие колонны тополя, ясеня, ильма. И ни одной травинки какой-либо иной растительности, еще не пришло ее время. И все это пронизано веселым разноголосьем множества пичужек беззаботно, как кажется со стороны, порхающих в этом великолепии.

Если к этому добавить голубизну неба с редкими контрастно-белыми облаками и сияние чистого, будто только что умытого солнца, то создается впечатление идиллии. Кульминацией красоты природы стало появление на другом конце черемшовой поляны небольшого табунка косуль. Демонстрируя свою грациозность, они пронеслись через открытое пространство и скрылись в прибрежном кустарнике. Восторг всех присутствующих, особенно детей, был неописуем. Младшую дочь я мгновенно подхватил на плечи для лучшего обзора, и ее счастливый визг заложил уши. Все, удивить больше, казалось бы, нечем. Я обернулся с ребенком на плечах к генералу, чтобы увидеть его реакцию, его восторг. Обернулся и... остоленел. Генерал тоже с

почти детским восторгом смотрел вслед усакавшим козам, но его вид... Он был одет в меховую комбинезон. Теплый, обещающий стать даже жарким день — и... меховая одежда от пяток до макушки. Как я сообразил — это зимняя полевая форма для танкистов. Рядом с ним, или даже вокруг него, хлопотала жена, на ходу защелкивая на нем какие-то застёжки, кнопки, клапаны и прочее.

— А... это зачем? — остолбенев, спросил я.

— А чтоб клещи не прокусили, — ответила за мужа женщина, убежденная в своем познании пакостных насекомых.

Ну что ж? Мужа, тем более генерала, беречь надо, но не до такой же степени. Мои девчонки, одетые в легкую летнюю одежду, тихонько хихикали, поглядывая в сторону почетного гостя. Такого чуда они даже зимой не видели, а уж летом...

— Ладно, не будем терять времени, начнем сбор. Собираемся к машине через два часа. Отсчет пошел.

Кто встал на колени, кто присел на корточки, кто согнулся в три погибели, и поползли в разные стороны, срывая черемшу и укладывая пучки в рюкзаки. Интересно, что после прохождения любого из нас позади оставалась почти такая же зелень, как и впереди, куда еще не ступала нога человека. Собирать этот дар природы было в удовольствие. Легкий прихруст оторванного стебля, аромат тайги и молодой черемши бодрили и веселили. Изредка от нетерпения съедались толстенькие и сладковатые основания стебля. Они настолько вкусны, что не было потребности заедать их хлебом или присаливать. В назначенное время, даже чуть раньше, все собрались у машины. Рюкзаки набиты до отказа. Размеры рюкзаков, правда, разные. У членов нашей команды они модели «мечта оккупанта», у остальных поменьше. Как ни странно, но и у генерала был полный и туго набитый рюкзак. Набивали его они вдвоем, но все-таки..

— Да, конечно, мне столько не надо, но раз уж здесь, то угощу сослуживцев, пусть порадуются, — как бы извиняясь, объяснил гость.

— Молодец, это по-нашему, — похвалил я его, что гостю весьма понравилось.

— Ну а теперь по машинам. По дороге есть приятное место, где организуем обед.

И машины полетели, а временами попрыгали по разбитой и редко эксплуатируемой дороге назад. Километрах в тридцати, недалеко от дороги, находилась небольшая пещера, пользующаяся спросом у краевых туристов-спелеологов, рядом с ней пробегал небольшой ключик и было достаточно валежника для костра, а также небольшие, меж деревьев, красивые полянки. Здесь устроили временный стан. Все занялись своими делами с одной целью — приготовить праздничный обед. Кто-то занялся костром и чаем, женщины расстелили на прошлогодней листве скатерть и начали готовить и расставлять на ней закуски. Из генеральской машины было выставлено несколько бутылок фирменной водки. Видать, подготовился гость к поездке на природу.

Я опять-таки традиционно начал готовить коронное блюдо — кондер. Полведра нарезанной небольшими ломтиками свинины доливаю до краев ключевой водой и подвешиваю над костром. Кипеть ему надо полчаса. Волшебный аромат свежего варена нагнетает и без того проснувшийся аппетит. Все в нетерпении ожидают команду «к столу». Хотя и стола-то нет. Пока мясо кипит, готовлю гречку, по одной горсти на члена команды, и режу на импровизированной разделочной доске огромное количество черемши, вынутой из моего выдавшего виды рюкзака. Через полчаса от момента закипания опускаю в ведро гречку и еще через десять минут черемшу. Как только варево вновь закипело, снимаю с огня ведро, закрываю его крышкой. Несколько минут продукт должен настояться. И вот я снимаю крышку, вдыхаю поднявшийся столбом ароматный пар и напоследок перемешиваю все длинной походной поварешкой. Все это время гость находился рядом со мной, вникая в тонкости таежной кулинарии. Резал черемшу, поправлял и регулировал костер, помешивал содержимое ведра.

Последняя проба напоминала священнодействие. Гость смотрел на меня восхищенными глазами и ждал моей оценки. Я со смаком втянул немного бульона, подержал его во рту, ощущая и оценивая все вкусовые прелести, и с удовольствием проглотил. Блаженство! Еще раз опустил поварешку в ведро и зачерпнул бульона для пробы своему доблестному помощнику. Уже передавая орудие поваренного труда, увидел в ней что-то необычное. Я тут же сцедил бульон назад в ведро и на дне черпака обнаружил среди прилипшей разваренной черемши тонкое резиновое кольцо белесого цвета, смутно что-то напоминающее. Раз напоминает, то разыграю эту карту до конца.

— Что это? — с округлившимися глазами полушепотом спросил помощник.

Хотя я точно знал, что это специальная резинка для увязки пучков папоротника и осталась она в рюкзаке с прошлогоднего сезона, но тоже таинственным шепотом ответил:

— Что, что? Разве не видишь? Сколько тебе лет? Неужели не знаешь, от чего это колючко. У тебя сколько детей? Одна дочь, а не было бы этих резинок, был бы выводок.

— Да вы что? (он ко мне на вы. От ужаса еще больше зауважал). А... где остальное... мешочек?

— Так черемша же. Она не только резинку растворяет. Тем более такую тонкую. Ободок потолка, вот он и остался. Поварить еще, и он растворится.

Объясняю все это с серьезным лицом и так, чтобы не привлечь внимание остальных, уже рассаживающихся вокруг расстеленной на земле скатерти.

— Так что же делать?

Принимаю якобы мужественное решение.

— Знаешь, что? Ничего! Как врач — уверяю, не отравимся. Резина в этих изделиях высококачественная, не выливать же такое варево на землю. Давай тихо, без шума, садись к столу, ешь и делай вид, что ничего не произошло.

Под восторженные крики компании прокопченное ведро было установлено посреди белой скатерти. И я, как шеф-повар, торжественно разлил кондер в подставленные миски. Алкоголь разлит, прозвучал тост и дальше пошло. Аппетитное почавкивание, водочное бульканье, веселье, разговоры и т. д., и т. п. Я внимательно наблюдал за гостем. Медленно выпив свою порцию водки, он старался оттянуть время вынужденной еды необычного варева. Такое бы ему не приснилось в самом фантастическом сне. Да и кому в голову придет приготовление подобного блюда. Наконец он опустил ложку в свою миску, поднес ее ко рту, многозначительно и заговорщицки посмотрел на меня, выдохнул и, зажмурившись, проглотил содержимое. Какое-то время первая порция варева просилась у него назад, он мужественно подавлял рвотные потуги, но в конце концов еще одна порция водки, общее аппетитное застолье и героическое желание не испортить обед окружающим победили. Он начал с аппетитом уплетать похлебку, изредка бросая на меня счастливые и многозначительные взгляды. Ну вот, а ты боялся, я как бы подбадривал его своими глазами в ответ. Обед удался на славу.

На пересечении автомагистрали «запад-восток» с дорогой от нашей речки остановились обе машины. Все вылезли наружу и распрощались как закадычные друзья. Мы с генералом еще раз переглянулись и расстались как люди, объединенные одной тайной.

Я не давал никаких обязательств, но об этом случае не рассказывал никому почти двадцать лет. Все же генерал! Какое-то время я отслеживал его служебное продвижение. Это был действительно мужественный человек, проявивший себя в нескольких пусть и непопулярных, но боевых конфликтах. Ну, раз не было других. В этом его и наше счастье. В чем я абсолютно уверен: он чаще меня вспоминал необыкновенный обед в тайге и слово «черемша» у него ассоциировалось с весьма популярным резиновым изделием.

ПЕСНЯ-2

(психология народной дипломатии)

*Воспоминания о дорогом для меня человеке —
Андрее Григорьевиче Рослякове*

«Под крылом самолета о чем-то поет зеленое море тайги» — слова знаменитой и популярной в те годы песни поневоле зазвучали где-то внутри при созерцании через иллюминатор уплывающей назад тайги, впереди Япония. Мы летим в Японию. Мы — это пять профессоров медицинского института, плюс переводчик, плюс, как бы сейчас сказали, менеджер. На нем административные заботы, а так руководитель группы Андрей Григорьевич. Летим по приглашению высокопоставленного монаха-синтоиста, который побывал в Хабаровске с целью поминовения душ оставшихся в русской земле военнопленных японцев. Для живущих японцев это очень важная процедура восстановления рода и единства поколений каждой конкретной семьи. Выпало одно звено — рода нет. Японцев это очень беспокоит. Миссия, конечно, благородная, поддержанная чинами высокого уровня, как японскими, так и нашими. По ходу предварительного визита монаха в Хабаровск он выразил желание посетить медицинский институт. И посетил. Даже оказал материальную помощь в оснащении аппаратурой, чем заслужил благодарность руководства и лично Андрея Григорьевича. Андрею Григорьевичу пришлось, правда, пересилить себя. Какая может быть у него любовь к народу, с которым ему довелось воевать. С другой стороны, богатый жизненный опыт и возрастная мудрость подсказали — лучше мир, чем война. На встрече в актовом зале института выяснилась причина особого интереса монаха именно к медицинскому институту. Он рассказал, что его богослужения в построенном им храме дают нередко неожиданный результат. Поклонники, неоднократно присутствовавшие на этих службах, избавляются не только от душевных, но и физических недугов. Учитывая официально признанную специальность гостя и хорошо просматриваемую высокую духовность, была высказана мысль, а не присвоить ли гостю звание почетного профессора, первого в институте. Через несколько дней Ученый совет поддержал это предложение, и при народе-хороводе господину Икегути Экан был вручен соответствующий диплом и мантия. В знак благодарности монах исполнил в актовом зале одно из ритуальных песнопений. Горланый звук еще долго гудел в аудитории, хотя исполнение было закончено. Ученый совет был в восторге.

А вскоре в адрес института поступило официальное приглашение пяти сотрудникам посетить с ответным визитом Японию. Естественно, первым в списке Андрей Григорьевич, два проректора, зав ЦНИЛ и завкафедрой. Отчасти туман по кандидатам на поездку развеял Андрей Григорьевич, объяснивший на совещании по этому поводу, что монах сам, лично перебрал список сотрудников института и отобрал, кроме тех, кто должен по чину представлять институт, заведующего кафедрой, которая занимается близкими для него проблемами — здоровье без медикаментов и скальпеля (фамилии кандидата Андрей Григорьевич не называл). А целью поездки явилось повторное вручение диплома, но уже в окружении японской общественности и должностных лиц.

Когда все разошлись, а я по какому-то поводу задержался, Андрей Григорьевич устало сел на стул, запустил пальцы в известную всем густую с проседью шевелюру и сам для себя тихо произнес:

— А я, честно говоря, не знаю, что делать? Да как это так, меня, коммуниста, бывшего морпеха, какой-то монах, понимаешь, монах, приглашает. И куда, в Японию.

Он несколько раз повторил эту фразу в разных вариантах. Я слегка поддакивал, а когда он успокоился, выдал свое видение ситуации:

— Андрей Григорьевич, с кем только Россия ни воевала, а сейчас что — дружим и с Германией, и с Францией, и еще со многими. Кто только к нам не совался? А чем отличается Япония? Наверно, пришло время дружить и с ней. А что монах, так нередко дружба народов строится на народной дипломатии. И даже разные веры находят общий язык. А этот монах, видать, весьма уважаемый в стране человек. Не случайно именно ему поручили эту священную для многих тысяч японцев миссию. И на вас, и на нас он произвел хорошее впечатление. Ему можно доверять.

Я еще не знал, что включен в список приглашенных, поэтому «изрекал» свои соображения без какой-либо предвзятости.

Андрей Григорьевич:

— И когда ты успел с ним спеться?

— То есть?

Андрей Григорьевич:

— Так и тебя он пригласил персонально. Повод вообще-то красивый — вручение диплома. Хорошо, я подумаю, посоветуюсь.

Догадываюсь, с кем он будет советоваться, — должность обязывала. На другой день была собрана вся группа приглашенных, объявлено о необычной командировке и все получили задания на подготовку к поездке. На меня легла обязанность подготовить личный подарок для небедного монаха и еще кое-какие мелочи, вроде фирменной русской водки.

Не буду злоупотреблять временем читателя, скажу только, что где бы мы ни были, везде все действия хозяев, все стороны приема были отшлифованы до блеска. Началось знакомство с Японией с Ниигаты, затем Токио, Киото и, конечно же, Хиросима. Везде были официальные приемы, дружеские банкеты, достойные ответные речи нашего старшины — Андрея Григорьевича. Он просто очаровывал японцев своей манерой говорить, академическим видом и в то же время простотой общения.

И вот конечная точка нашего маршрута — город Кагосима. Здесь состоится главное действие — вручение диплома почетного профессора настоятелю местного храма. Еще до торжества мы многократно убеждались, насколько велик был авторитет господина Икегути Экана. У нас были встречи с губернаторами и мэрами, руководителями университетов и медицинских факультетов, общественными деятелями. Да какими? Один из них бывший министр иностранных дел Японии Таро Накаяма, в те годы личность весьма известная во всем мире. Наследил, поднял международный авторитет Японии, хотя сам врач по образованию. С ним, кстати, и по его инициативе завязалась дружба между нашим университетом и научной медицинской общественностью Японии.

В самом городе и префектуре Кагосима, среди прочих заметных дел, Экан был известен еще и как создатель «Клуба 100», объединившего действия ста наиболее известных и авторитетных общественных деятелей, предпринимателей, ученых на развитие своего города и префектуры. Особо запомнилась встреча с одним из состоятельнейших членов клуба, друга господина Экана, пригласившего нас в гости к себе. В уютном уголке вдаль от города стоял довольно скромный, даже по нашим меркам, одноэтажный домик, где проживала семья хозяина на участке земли в несколько соток. Вдоль декоративной оградки высажены вечно цветущие деревца и кустарники, посредине небольшая полянка, покрытая газонной несминаемой травой. Это был предмет особой гордости хозяина. Он лично создавал эту поляну и ухаживал за ней. И даже прославился разработкой технологии создания таких газонов, за что получил два патента. По примеру хозяина мы ходили по поляне босиком, что было весьма приятно. Ощущение такое, будто ходишь по пружинистому плотному ковру. Здесь было устроено дружеское чаепитие. Нас подмывало узнать, как такой якобы состоятельный человек распорядился своими огромными средствами, довольствуясь при этом столь малым. Нашли повод поинтересоваться. И получили ответ. Нас свозили в горы, в весьма живописную долину,

где стояло одно-единственное здание оригинальной формы, которое оказалось чем-то вроде санатория или реабилитационного центра для пожилых японцев. Удивительная чистота, порядок, красота интерьеров и оформления палат, великолепный персонал, для которого, как оказалось, было честью работать в таком центре. И для меня, о радость, особо приятно было видеть, что центр построен на горячем минеральном источнике. И все это, построив, хозяин подарил префектуре. Для народа. Что-то не слышно о подобной щедрости и гуманизме наших миллионеров. И даже миллиардеров.

И вот вечером должно состояться запланированное торжество в самом крупном досуговом центре города. В зале тысяча приглашенных жителей префектуры и города. Многие пришли, как нам потом объяснили, специально: посмотреть на русских, пообщаться с ними. В те годы русские еще не «шныряли» по Японии и не портили представление о нашем народе.

Все шло по согласованной с нами программе. Сначала речи с обеих сторон. С нашей стороны, конечно, Андрей Григорьевич. Я в какой-то степени улавливаю энергетику зала и могу точно сказать, что после выступления Андрея Григорьевича зал полбил русских. Не только тех, что перед ними стояли на подиуме, но и всю Россию.

Потом было торжественно зачитано решение Ученого совета института и вручен диплом. Почетный профессор был откровенно счастлив. Мы преподнесли ему еще и подарок, достойный именинника торжеств и этого южного города, — картину известного хабаровского пейзажиста Николая Чайкина «Зимняя тайга». Как мы и предполагали, многие проживающие здесь японцы только на картине впервые увидели снег, а при взгляде на нее почувствовали величие зимней прохлады. На радостях монах исполнил одно из своих храмовых песнопений, и после прослушивания его сочного баса мы решили, что торжественная часть закончилась, и направились было к уготованному нам месту в зале. Но не тут-то было. К нам подходит один из распорядителей торжеств и вежливо, но твердо объясняет, что по японским традициям почетные гости, то есть мы, тоже должны исполнить песню. Опа-на! Нашли певцов. Первым опомнился Андрей Григорьевич:

— Ну что ж, будем петь! Кто запекает?

И тут началось. Оказывается, никто не знает ни одной песни от начала до конца. Я предложил было «Варяга», ее-то все знают, но команда возмутилась — как же, обидим хозяев. А что обижаться, победили на Цусиме они, а не мы. А Кагосима родина адмирала Того — автора гибели русской эскадры. Они гордятся этой победой, а мы гордимся стойкостью и мужеством русских моряков. Не убедил. А публика ждет. Перебрали несколько вариантов, и тут Андрей Григорьевич:

— К месту будут «Журавли», но кто слова знает?

Оказалось, полностью никто, но кто один куплет, кто другой, кто строчку, кто две. Но у всех вера одна — стоит запеть и из каких-то закоулков памяти всплывут знакомые слова. Есть такая особенность у русских песен.

А зал ждет. И мы запели. Отчаянно выкрикивая слова, разными голосами, без музыкального сопровождения и, конечно, без запевалы. Да и кто в зале знает эту песню? Да, забыл, перед началом того, что можно назвать пением, наш великолепный переводчик рассказал залу, о чем эта песня. Четко объяснил, что такое «промежуток малый» и что значит «это место для меня». Вы помните эту песню?

Зал замер. Мы мужественно подхватывали очередные куплеты, собирая их по слову, и произошло чудо — под конец песня сложилась. И мы, маленькая горстка русских людей, среди тысячи японцев, казалось, раздвинули зал для всей Японии. Наконец мы умолкли, хотя хотелось еще петь. Артисты в таких случаях говорят — кураж поймали. Тишина! И вдруг зал взорвался. Аплодисменты были такой силы, что ветерок загулял по залу. Мы не сразу поняли, что попали «в десятку». Журавли, души достойных воинов, полет в поднебесье — это такое родное и близкое для японцев. Не думаю, что они так же высоко оценили наше мастерство, но оценили наше му-

жество. Мы попросили тишины и еще раз исполнили последний куплет. До сих пор удивляюсь, как потолок не рухнул. И мы как герои сошли с подиума вслед за нашим впередсмотрящим, за Андреем Григорьевичем, который шагал как генерал на параде, а мы — солдаты, вышедшие из песни. Нас сопровождали десятки сценических прожекторов и продолжающаяся овация. Зал стих только тогда, когда мы поклонились и сели за уготованный нам стол. Включилось общее освещение, и мы увидели, что все участники торжества тоже сидят за накрытыми круглыми столами по двенадцать человек за столом. Наш стол стоял в центре зала. Дальше пошли тосты, чередующиеся с выступлениями танцоров, барабанщиков, каратистов, гимнастов. Несколько номеров старательно исполнили дети. А у нас какой-то энергетический подъем, это настолько нас наполнила добрая энергия зала, что попросили бы нас сплясать, мы бы и сплясали. Танец маленьких лебедей (шутка).

Когда вечер подошел к концу, опять вспыхнули прожектора, и мы в их лучах под аплодисменты вышли из зала через широко раскрытые двери. И только за ними облегченно вздохнули, расслабились в надежде на вечерний отдых, но... не тут-то было. Нам показалось странным, что люди не бегут к выходу, не толкаются и словно чего-то ждут. А нам отход перекрывает старший распорядитель и культурнейшим образом просит встать по обе стороны от дверей и объясняет, что мы — хозяева вечера, а остальные — гости, и хозяева не могут отпустить их, не поблагодарив за посещение и не выслушав слова благодарности в ответ. После этого двери заново распахнулись и народ пошел. Именно пошел, а не повалил, как это было бы у нас. И каждый подходил к нам и произносил какие-то добрые слова и обязательно по-русски: «Спасибо», «До свидания». Мы в ответ говорили почти то же самое, но последние слова по-японски. Мне особенно запомнилась маленькая старушка со светящимися от счастья глазами, хотя и сидела в инвалидной коляске. Возле нее был человек, слегка объясняющийся по-русски, и пара крепких молодых, то ли внуки, то ли правнуки, управляющие коляской. Оказалось, что это старейшая жительница города, жертва Хиросимы, дожившая до сегодняшнего дня. Она с гордостью представила своих внуков и рассказала, что не могла себе позволить не встретиться с русскими и что теперь она убедилась, что русские хорошие люди. Особенно ее убедила в этом ПЕСНЯ.

Через пару дней мы вернулись в Хабаровск и уже дома, в спокойной обстановке, перебирая в памяти все увиденное там, в Японии, сходились в мысли о том, что тот песенный вечер был самым значимым в нашей поездке.

САМУРАИ

(вариант народной дипломатии)

В университет прибыли два японских профессора, работающие в области медицинской реабилитации, с намерением познакомиться с этим направлением медицины в России. И познакомились. Через меня. Целую неделю я им рассказывал, показывал, демонстрировал наши скромные успехи. Слегка чопорные в первые дни, с выправкой самураев, они с каждым днем становились мягче, более открытыми.

Поручение руководства университета сводилось к известной установке «не ударить в грязь лицом». Не ударили, да и есть что показать, есть чем с гостями поделиться. Многое из того, что мы им показали в санаториях, клиниках, было для них открытием. Да и русское гостеприимство им тоже пришлось по душе. Неделя пролетела незаметно. Впереди суббота, и я делаю еще один дружеский жест. Широкий, по-русски. Предлагаю познакомиться гостям с дальневосточной природой. Оказалось, они ждали наше предложение. Им еще на родине дали такую установку — без тайги и русской водки не возвращаться. У них даже кое-какая одежонка для тайги была прихвачена. Ну что ж, прекрасно, договорились.

Утром подъезжаю к гостинице на своем довольно уютном и надежном микроавтобусе. От официального переводчика отказался. Заранее объяснил гостям, что в лесу переводчик не нужен. Природа сама себя покажет в лучшем виде. Слегка лукавлю. Рядом со мной сидит отличный знаток английского языка. К тому же с душой таежного человека и член нашего семейного клана.

Японцы уже ждали нас у входа в гостиницу, видно, что им не терпится окунуться в незнакомую природу. Одеты по-спортивному, увешаны фотокамерами. Познакомил далеких гостей с новым для них членом экипажа, и вперед. Дорога неплохая, гостям все увиденное интересно. Я рассказываю и даю пояснения, Володя, так звать многофункционального переводчика, быстро нашел общий язык с гостями, так что в машине было не скучно. По дороге заезжаем в небольшую деревушку и забираем моего друга: охотника, рыбака и вообще хорошего человека. Максимыч, так звать нового члена экипажа, у нас сегодня за проводника и за возможного кормильца. Он из тех рыбаков, что, подпусти его к фонтану в центре города, он и там что-нибудь поймает. А еще он баянист и по моей просьбе прихватил с собой хорошо замаскированный баян.

Направляемся «встречь солнца», то есть на восток, в отроги Сихотэ-Алиня. Позади остается последнее в этом направлении село, и вскоре мы подъезжаем к центру реабилитации диких животных. Обратите внимание — тоже «реабилитация».

Максимыч, как человек, знакомый с хозяином центра, представил нашу команду, что дало право передвигаться по территории без ограничений от одного загона к другому. Ох уж и порезвились заморские гости, фотоаппараты у них раскалились докрасна. Животные чувствовали себя вольготно, явных признаков таежных травм не было видно. Во всей красе демонстрировали себя косули, кабан, а уж известный всему миру киногерой тигр Лютый с удовольствием разевал свою пасть, демонстрируя уникальный золотой клык. Закончив знакомство с центром, поехали дальше, но уже не по дороге, а по заброшенной колее, знакомя гостей с красавцами кедрами, могучими ясенями и дубами, маньчжурским орехом, бархатом и т. п. Гостям и это было весьма интересно, но время подходило к обеду. Развернулись и начали искать спуск к бегущей параллельно дороге горной реке. Дважды спускались к ней, но убедились, что гвоздь обеденной программы — уха — под угрозой. Над рекой гулял свирепый ветер, который возвращал назад забрасываемую снасть еще до того, как она коснулась воды. А по воде гуляли с закрученными пенными барашками волны. Ясно, рыбалки не будет.

Вскоре нашли едва заметный съезд к реке, который заканчивался небольшой поляной и едва заметным ключиком, тихо несущим свою воду в стремительный и бурный водный поток. У самой кромки реки был небольшой нанос галечника, который перекрыл встречу ручья и реки, а ручей разлился перед ним в лужу размером в волейбольную площадку. Видно, что в сильные дожди воды ручья и реки активно смешивались и лужа превращалась в озеро. Дожди прекращались, и озеро опять превращалось в лужу. Меня больше интересовал интерьер. Река рядом, за узкой полосой берегового ивняка, защищающего нас от ветра. Галечная поляна оцищена неоднократно омывающими ее водами большой реки, а оставшийся здесь плавниковый хлам прямо-таки напрашивался в костер.

Ставлю машину подальше от предполагаемого костра и превращаюсь из водителя в «бугра». То есть в таежного бригадира. Вместе разгружаем машину, а затем коллеги получают задание собрать дровишки и разжечь костер, что они принялись выполнять с удовольствием. Они горели желанием быть полезными. На вопрос Максимыча, а что ему делать, было предложено еще раз попытаться выдернуть из реки что-нибудь плавающее и вкусное. Он ушел на берег. Володя помогает то мне, то японцам. А я в ожидании, пока нагорит костровой жар, собрал походный мангал, достал ведро с заранее замоченным мясом для шашлыка и стал нанизывать его на шампуры. По

два шампура на каждого члена команды. Покончив с этим творческим процессом, отложил все в сторону и соорудил у костра стойки для варки чая и уха. Как человек опытный в общении с природой, я для подстраховки прихватил с собой «пойманного» на рынке небольшого сазанчика. Володя ушел с гостями собирать осенние травы и лимонник для заварки настоящего таежного чая. Так, небольшая прогулка, но тоже воспринятая с восторгом. За это время я почистил и нарезал картошку и дал ей возможность покипеть, почистил несколько луковиц и сазанчика. Вскоре и сазан, разделанный на куски, и лук плюхнулись в котелок. Боковым зрением видел, что Максимыч окончательно отказался от попытки поймать что-либо в реке и, возвращаясь, забрел в описанную выше лужу. Видел, что он опять настроил удочку и изобразил что-то вроде рыбалки. Ну пусть мужик потешится.

И вот котелок с полуухой закипает. Нарезал вторую порцию лука, приготовил специи, постное масло и жду счастливой минуты, когда это можно соединить и... уха будет готова. А внутри все равно что-то скрипит недовольством — эх, еще бы местной рыбки. Сзади голос:

— Николаич, а с этой рыбой что делать?

Поворачиваюсь. Передо мной Максимыч, и в руках почти полная противогазная сумка какой-то рыбешки. Померещилось, что ли? Запустил в сумку руку, пошевелил кистью и поднял ее с раскрытой ладонью. С нее скатываются довольно крупные и упитанные гольяны. А сколько их? Не счесть! Что делать? Уха почти готова, да и гольян не гостевое блюдо.

— Эх, была — не была! Максимыч, можешь быстро почистить?

— Могу, нет вопросов!

И мы быстро в две пары рук, я тоже подключился, почистили почти килограмм рыбешек. Насколько они были хороши, можно судить при любовании ими, держа на просвет против солнца. Хребтики просвечивались как скелеты на рентгенограмме, настолько они были жирные. Пока чистили, проникся еще большим уважением к Максимычу — как можно в этой луже наловить столько рыбы. И рыбку зауважал. Всегда считал ее за бросовую. Ошибался. Оказывается, эта лужа была идеальным местом для нагула жира — вода в ней хорошо прогревалась под солнцем, что привлекало массу крылатых насекомых, ставших обильным кормом для рыбы, а отсутствие постоянного общения с рекой спасало гольянов от рыскающих в основном русле хищников. Вот и развелись. Не знали, конечно, что придет Максимыч. Нам понадобилось буквально несколько минут, и ведерный котелок пополнился изрядной порцией свежайшей рыбы.

И вот уха готова, снята с костра, накрыта крышкой и холстиной. Пусть настаивается. Костровой жар с помощью аварийной лопатки перенесен в мангал, рядом с которым ждут своего часа шампуры. А рядом и вокруг нас непрерывно щелкают фотоаппараты. Устанавливаем походный столик, раскладные сидухи, набор походной посуды, нарезаем хлеб, огурчики-помидорчики и, конечно же, ставим посудинку с красной икрой. Осень! Рассаживаемся, рядом со мной уха. Снимаю крышку, аромат такой, что сразу стало видно, что все проголодались. Торжественно разливаю уху. Гости машут руками, показывают, что им много не надо. Я их просьбу не слышу. Знаю наперед, чем это кончится. И тут на столике появляется вынутая из контейнера запотевшая бутылочка русской водки. Да простят меня моралисты! Глаза у японцев сверкнули, появилась радостная улыбка. До этого дня гостеприимные главные врачи угощали их вином, коньяком, но русской водки они так и не попробовали. Кто им поверит, что были в России.

Показал, что перед тостом надо приготовить бутерброд с икрой, и... началось. Первый тост, естественно, за встречу и за гостей. Выпили все с удовольствием, закусили икрой и зеленью, а ко второму тосту уже и уха приостыла настолько, что можно есть, не обжигаясь. Второй тост был за Россию и Дальний Восток, и заедать

его стали ухой. О!.. Что за уха получилась! Я знаю вкус сазаньей ухи, но совместно с гольянами, да такими, получилось что-то невообразимо вкусное. Кажется, я такой еще не ел. Гости быстро и с аппетитом выхлебали юшку до дна и добрались до гольяничков. Я наблюдаю. Вот они, поглядывая друг на друга, объели мяско и сидят в растерянности — куда девать косточки. Показываю — под стул. Им показалось это кощунством. Из экологических принципов. С помощью Володи объясняю: чем больше после нас останется съедобных отходов, тем больше будет радости у пока невидимых зверюшек-пичужек. Так было снято последнее гастрономическое ограничение. Уха разлита повторно, никто не сопротивляется. Нажимают больше на нее. К шашлыкам выкатилась еще бутылочка. Понимать друг друга стали без переводчиков. Шашлыки тоже пошли («на ура!»). Закончили трапезу крепким ароматным таежным чаем. Все аккуратно собрали, упаковали, уложили, навели за собой порядок, в чем особо усердствовали гости, и в путь. Теперь за рулем Володя. Единственный из нас, кто не прикасался к «огненной» воде, и не из страха перед возможными гаишниками, а будучи убежденным противником алкоголя в любых проявлениях.

Когда выехали на дорогу и зубы перестали стучать друг о друга, привальное возбуждение пошло на спад, глаза начали соловеть, разговоры притихли. В другое время я бы и сам придремал, но гости... И я запел. Певец из меня никудышный, но еще с детства я помнил тексты многих песен, а вот нотная грамота для меня была в одном ряду с китайской. И японской тоже. Тем не менее «Катюша» была похожа на «Катюшу». Тут друзья оживились и стали подпевать. По-русски. Оказывается, у себя на родине перед поездкой они ее изучали, запоминали, исполняли. Максимыч тут же развернул баян, и... песня полилась. Японцы старательно произносили слова, а с музыкальным слухом у них дела были получше, чем у меня. Но пел и Максимыч, и Володя, а это уже хор. А дальше пошла песня за песней. Не зная других русских песен, гости быстро улавливали звучание куплета и исполняли его как могли, но с азартом. На третьей-четвертой песне мы спелись, почувствовали объединяющую нас духовную близость, и... нам было очень весело и легко на душе. Мы радовались жизни.

Запал прошел, когда мы высадили Максимыча с баяном у его дома. Обнявшись, исполнили еще одну песню, японцы долго и благодарно трясли руку своему новому знакомому. В город вернулись по ночи, доставили друзей, теперь уже друзей (пили же за дружбу!), передали их в руки гостиничных сотрудников, и все... Насыщенный солнцем, тайгой и дружбой день закончился.

На следующий день коллегам готовиться к возвращению в Японию, и я встретился с ними только перед заключительным официальным ужином. Когда вошел в «греческий зал», то увидел, что за огромным красиво накрытым столом сидели «протокольные» люди с вежливо-скучными физиономиями. А японцы вскочили и кинулись ко мне в нарушение всякого политеса. Конечно, первое, что я спросил на языке жестов — как им понравилась поездка. Они дружно ответили на том же языке — мы думали, что это будет вот так (при этом они развернули на максимум большой и указательный пальцы), а оказалось вот так, и они присели, несмотря на статус сдержанных самураев, поднеся ладонь к полу, а затем вскочили, как дети, подняв руки как можно выше над головой.

Достаю из портфеля большую и красивую бутылку настоящего коньяка, привезенного другом из Армении и довольно долго ожидавшего своего выхода в свет, и ставлю на стол под протокольный шепот, скорее напоминавший шипение: «Они это не пьют, они пьют только sake и вино». Ага, нашли кого учить. А друзья уже протягивают рюмки, на лицах радостные улыбки. Вливаемся в общий тост со своими рюмками. И так несколько раз. Наконец и ректор не выдержал и подставил свою рюмку со словами «Вы как-то вкусно пьете, позвольте попробовать». Японцев это очень обрадовало. Нам было уже хорошо, весело и вместе с тем грустно.

Вот вам и самурай. За несколько дней они стали почти нашими, русскими, хотя никто никого «перекроить» не собирался. На прощание я подарил им по камуфляжному комплекту, обратив до этого внимание, с каким уважением они рассматривали и изучали в тайге нашу подобную одежду. Полевую одежду наших воинов. Очевидно, в их крови всколыхнулось забытое самурайское начало. И конечно же, по бутылке русской водки. Прощай, Япония! Возможно, когда-нибудь еще встретимся. Хотелось бы!

СУДЬБА

(психология предчувствия)

Во время подготовки к очередному зимне-весеннему походу я несколько раз встречался с одним знакомым военным. Я уже давно пережил тот возраст, когда меня приводили в трепет воинские звания и погоны, и поэтому он был для меня просто человеком. Хорошим человеком и интересным собеседником. При встречах он задавал дежурный вопрос — как дела, а я с азартом и, как оказалось, завораживающе рассказывал о предстоящем походе. Через какое-то время внимательный слушатель созрел.

— Я иду с вами!

Я пропустил это заявление мимо ушей, но, когда при следующей встрече пожелание идти со мной было повторено, да причем в форме чуть ли не приказа, я начал отыгрывать назад. Я собрал в одну кучу все негативное, что характеризует мои походы, и сделал это из гуманных соображений. Зачем привыкшего к определенному комфорту немолодого, хотя и достаточно крепкого человека тащить в тайгу, в неизвестность, в абсолютный, с точки зрения горожанина, дискомфорт. Однако товарищ настаивал, соглашаясь принять все условия, признавая тем самым мое старшинство, но в одном остался непреклонен:

— Вы знаете, Валерий Николаевич, как трудно в наше время дослужиться до генерала, и вдруг все это потерять из-за какого-нибудь зверя. Нет, карабин я возьму!

При этом взгляд его был направлен сквозь меня в какую-то бесконечность, в пространство. Я понял, что в это время, за эти секунды перед его глазами проплыли далекие гарнизоны, суровая школа выживания молодого лейтенанта, старшего лейтенанта и т. д., то есть вся жизнь. Все попытки отговорить от намерения тащить на себе пятьсот километров совершенно ненужный, на мой взгляд, СКС, ни к чему не привели.

— Я лучше хлеб не возьму, колбасу, но карабин...

Ну что ж, бери, только не раздумай. И когда я уже свыкся с мыслью о походе дуэтом, он, к сожалению, раздумал. Контрольная встреча, где надо было все расписать, разложить по полочкам, уточнить окончательно маршрут, не состоялась. Невнятные разговоры о готовящемся вдруг учении явно маскировали решение домашнего военного совета — «не пушать!».

В экстрим я отправился один, хотя и с опозданием на одну неделю из-за затянувшихся переговоров. Да это и привычней, и спокойней. Я излишне ответственный человек, и ответственность за попутчика, пусть даже он генерал, то есть самостоятельный человек, все равно держала бы меня в напряжении. А не замерз ли у костра, а не страдает ли от голода, а не... и т. д. Вернулся я через десять дней, так и не пройдя намеченный маршрут. Начались оттепели, снег налипал на лыжи пудовым грузом, и скорость продвижения была в два-три раза ниже, чем это планировалось. Эх, вышел бы на неделю раньше. Пришлось вернуться с полдороги, ибо не укладывался в контрольные сроки, и моя задержка послужила бы поводом для паники и аварийно-поисковых мероприятий. Вот как я научился казенно выражаться. Несколько дней, как всегда, приходил в себя, вгрызался в работу, встречался с друзьями, и вскоре

очередь дошла до генерала. Я специально откладывал эту встречу напоследок, дабы не травмировать его душу. Узнаю: генерала нет, болен. Ну что ж, болен так болен. Пожелал скорейшего выздоровления. Через какое-то время интересуюсь — еще лечится. Что за болезнь такая, может, помощь нужна? Вскоре выяснил все про болезнь. Не болезнь, а травма, но травма необычная.

Однажды вечером ротвейлер, проживший много лет в семье, ни с того ни с сего угрожающе зарычал на хозяйку. На властный успокаивающий окрик реакция была для всех неожиданной — огромный черный пес с медвежьими клыками кинулся на хозяйку, столько лет кормившую его. Укус был страшен, но был бы еще страшней, если бы хозяин не кинулся на помощь перепуганной жене и не сбил пса. Тот мгновенно сменил объект нападения — кинулся на хозяина. С остервенением вцепился в руку, прикрывавшую лицо и горло от изрыгающей слюну и жар пасти. Окрики, команды и удары свободной рукой не помогали. Пятясь, хозяин доволлок пса до шкафа, где лежало табельное оружие, и несколькими выстрелами свалил непонятно почему взбесившегося зверя на пол. Обильно хлынувшая кровь человека и собаки перемешалась.

Дальше госпиталь, длительное лечение, реабилитация. История ужасная, но вот что удивительно — трагедия разыгралась в те дни, когда мы должны были быть на таежной тропе, где товарищ так опасался встречи с медведем или другим серьезным зверем. Он интуитивно предчувствовал беду от встречи со зверем. И семья это чувствовала. И несчастливым был отказ от экстремального похода. Но трагическая встреча состоялась. Не в тайге, а дома. И была она словно кем-то или чем-то запрограммирована. Не сомневаюсь, что, пойдя он в поход со мной, и там случилось бы что-нибудь подобное. Получается, что человек сам, своим сознанием, натащил беду на себя, натащил то, чего в душе побаивался. Побоялся подсознательно, не отдавая отчета даже самому себе. И я точно знаю, что смелости ему в любой обстановке не занимать. А вот кто управляет нами, нашим сознанием, судьбой — не знаю, но то, что это «кто-то» или «что-то» есть — не сомневаюсь. Слишком много неслучайных случайностей в данном эпизоде собралось в одну точку.

